

Глава 15. Водяной сельдерей

Огород во дворе уже привели в порядок, теперь нужно было решать, какую рассаду сажать.

— Завтра, когда пойдёшь в посёлок, купи побольше рассады, — наставлял Линь Гэнь стоявшего рядом Линь Жуна.

Отец с сыном были по локоть в грязи, но выглядели необычайно бодрыми и оживлёнными.

Стоило Цзянь Цинъюю войти во двор, как он спросил:

— Почему меня не позвали?

Оба, сидевшие на корточках, обернулись на голос. Линь Гэнь простодушно усмехнулся:

— Да тут работы всего ничего, мы с Жун-жуном и вдвоём справились бы. Тебя-то зачем звать?

Цзянь Цинъюй невольно подумал, что его и правда уже считают нахлебником. Вслух он ничего не сказал, а только решил про себя, что в следующий раз не станет так долго спать.

Иначе даже если попросить их позвать его, эти двое всё равно пропустят слова мимо ушей.

Он поднял взгляд на небо — было уже не так рано.

Днём, когда они были в посёлке, Линь Жун настоял, чтобы каждый взял лишь по миске лапши в бульоне. На вкус она была хороша, вот только порции оказались маленькими. Цзянь Цинъюй давно уже всё переварил, поэтому сейчас ужасно проголодался.

— Что у нас на ужин? — спросил он у Линь Жуна.

Тот задумался.

Все лесные припасы в доме уже распродали, яиц тоже не осталось. Зато у них ещё лежала вяленая рыба. Прошлой зимой, когда лёд на большой реке только сошёл, староста попросил его наловить рыбы. Это были два небольших травяных карпа, каждый размером всего с ладонь. Теперь в доме жили двое взрослых мужчин, ели они немало, поэтому Линь Жун решил приготовить всю рыбу, обжарив её с сушёной редькой.

Кроме этого, дома оставались только рис да мука.

Подумав немного, он сказал:

— Чуть позже схожу к реке, нарву водяного сельдерея. В это время года ещё можно найти много молодого и хрустящего. Сделаю холодную закуску из сельдерея, остро обжарю сушёную редьку с вяленой рыбой и сварю суп с сельдереем.

Выслушав его, Цзянь Цинъюй почувствовал голод ещё сильнее.

— Хорошо, — кивнул он.

А сам в это время думал, что стоит всё-таки завести кур и уток. Пусть от них и пахнет, зато будут яйца и мясо. Линь Жуну точно не помешает немного подкормиться, а то на лице и теле совсем нет мяса.

Подумав так, он сразу сказал:

— Завтра в посёлке нужно ещё купить цыплят и утят.

— Сейчас? — Линь Жун слегка нахмурился, явно не одобряя эту идею.

Заметив вопросительный взгляд Цзянь Цинъюя, он пояснил:

— В такую жару кур и уток держать плохо. Они и несутся хуже, и от жары могут погибнуть.

Цзянь Цинъюй нахмурился. Что это ещё за цыплята такие хрупкие?

— Совсем яиц не несут? — спросил он.

— Не совсем, — ответил Линь Жун. — Если взять цыплят весной, то через четыре-пять месяцев они уже начинают нестись. Если не болеют и не голодают, обычно несут по яйцу в день. Но когда слишком жарко, выходит уже одно яйцо раз в два-три дня.

Цзянь Цинъюй сразу прикинул: для Линь Жуну этих яиц более чем достаточно.

— Если купить побольше, то хватит.

Линь Жуну эта идея казалась не слишком выгодной, но, подумав о том, что большая часть денег у них сейчас заработана Цзянь Цинъюем, он решил, что тот, вероятно, просто захотел поесть яиц, и потому согласился.

Пока они вдвоём обсуждали домашние дела и хозяйство, Линь Гэнь хоть и не вмешивался в разговор, лишь слушая со стороны, всё равно чувствовал на душе тепло и спокойствие.

Когда в доме становится на одного человека больше — всё и правда меняется.

Раз уж они решили завести кур и уток, прежний временный загон во дворе уже не подходил. Нужно было переносить его за дом.

Линь Жун отправился к реке собирать водяной сельдерей, а Цзянь Цинъюй несколько раз обошёл задний двор, прикидывая, где лучше устроить курятник.

Осмотрев всё как следует, он наконец выбрал небольшой склон позади восточного флигеля.

Позади дома тянулся уходящий вверх склон горы, весь заросший густым бамбуком — высоким, прямым и крепким. Чем ближе к дому, тем реже росли стебли, и сразу за постройкой оставалось около десяти чи свободного места. Пусть это и был склон, но места для кур и уток там вполне хватало.

А самым пологим участком оказался как раз тот, что находился за стеной восточного флигеля, где жил Цзянь Цинъюй.

Работал он быстро и ловко. В считанные минуты бамбук на выбранном участке был срублен, боковые ветви обрезаны, а сами стволы переброшены во двор. Линь Гэнь сидел на маленькой табуретке и раскалывал бамбук, нарезая его на кольца одинаковой длины.

Когда Цзянь Цинъюй расчистил склон и вернулся во двор, Линь Гэнь уже успел всё подготовить.

Цзянь Цинъюй снова перенёс бамбук за дом и принялся ставить ограду из кольев, окружая расчищенную площадку.

Не прошло и получаса, как загон для кур и уток был готов.

Дорога за домом была неровной, поэтому Линь Гэнь, опираясь на костыль, медленно подошёл туда. Он осмотрел загон, обнесённый толстыми бамбуковыми кольями, а затем посмотрел на крепкую бамбуковую калитку у стены дома и с силой потряс её рукой.

Та даже не шелохнулась.

Лишь тогда он с облегчением выдохнул.

Если на ночь хорошенько запираешь дверь, никакой зверь из гор, даже почуяв запах птицы, не сможет утащить кур или уток.

К тому же рядом с загонем раскинулась бамбуковая роща. Склонённые сверху ветви и листья образовывали естественную тень, там было прохладно и свежо, так что птица не так легко погибнет от жары.

В такую погоду стоило только начать работать, неважно, тяжёлой была работа или нет, как лоб сразу покрывался потом.

Вернувшись во двор, Цзянь Цинъюй и Линь Гэнь зачерпнули воды из стоявшего под навесом прохладного кувшина, чтобы умыться. Стало чуть легче.

Закончив, Цзянь Цинъюй сказал:

— Пойду к реке, поищу Жун-гера и приведу его домой.

— Хорошо, — кивнул Линь Гэнь. — Я пока разведу огонь в очаге и поставлю жидкую кашу. Когда вы вернётесь, можно будет сразу жарить овощи.

— Угу.

Водяной сельдерей обычно рос у тихих, прохладных ручьёв, где течение было медленным.

А за деревней, у самого подножия горы, как раз протекал такой ручей.

Цзянь Цинъюй быстро отыскал его.

Ручей был нешироким, но тянулся очень далеко. Если идти вдоль него от места, где он отделялся от большой реки, и до самого конца, где вода терялась среди зарослей, то, пожалуй, и нескольких часов бы не хватило.

Вокруг простиралось сплошное зелёное море.

Используя свою способность ощущать растения через древесную энергию, Цзянь Цинъюй уже спустя короткое время нашёл Линь Жуна.

Он направился к нему и в тот миг, когда увидел его, резко остановился.

Линь Жун стоял с полной корзиной свежего, хрустящего водяного сельдерея в руках. Напротив него был ещё один человек.

Увидев это знакомое, вызывающее отвращение лицо, Цзянь Цинъюй мгновенно похолодел. Казалось, даже воздух вокруг стал ледяным. Хотя в горах стоял полный штиль, окружавшие их растения вдруг тревожно зашелестели.

Цзянь Цян.

...

Цзянь Цян смотрел на стоявшего перед ним Линь Жуна, и шрам на его шее внезапно болезненно заныл, словно его снова полоснули ножом. Он сглотнул, пытаясь унять нахлынувшее возбуждение.

Его взгляд скользнул по корзине с водяным сельдереем и маленькому серпу в руках Линь Жуна.

— Слышал, ты замуж вышел... — с мрачной усмешкой протянул он. — Да ещё и за мужика, который в ваш дом примаком вошёл. Сначала я не поверил. Раньше строил из себя такую целомудренную недотрогу, ни за что не соглашался со мной... а теперь взял да и выскочил за какого-то нищего.

Улыбка на его лице становилась всё более перекошенной.

— До того бедные, что приходится по ручьям сельдерей собирать, чтобы прокормиться!

Чем больше он говорил, тем сильнее в нём закипали злоба и ненависть.

Он вспомнил, как в последнее время вынужден был прятать шею, прикрывая шрам, как над ним насмехались за его изуродованную рожу, куда бы он ни пошёл. Его худое, желтовато-красное лицо исказилось ещё сильнее.

— Строил из себя невинность... а сам оказался такой же шлюхой!

С этими словами Цзянь Цян вытащил из-за пояса тесак — острый, как бритва.

С тех пор как Линь Жун ранил его, он больше не выходил из дома без ножа. Иначе его охватывала паника. Стоило кому-то приблизиться, как ему начинало казаться, будто все хотят его зарезать, будто никто не желает ему добра.

Его полубезумное состояние давно напугало деревенских. Теперь люди шарахались от него, избегали, словно от злого духа. Он потерял и уважение, и лицо.

Вспомнив всё, что пережил за это время, Цзянь Цян с ещё большей яростью взмахнул тесаком, бросаясь на стоявшего перед ним человека.

Линь Жун никак не ожидал снова столкнуться с ним.

После того случая у реки он специально избегал любых встреч с Цзянь Цянем, опасаясь новых неприятностей. А после переезда к подножию горы и вовсе почти не появлялся в деревне.

Увидев, как на него несётся Цзянь Цян, размахивая тесаком, Линь Жун побледнел и, не раздумывая, развернулся и бросился бежать.

— Цзянь Цян! Ты с ума сошёл?! Хочешь от свободы отказаться?!

Как бы Линь Жун ни привык выполнять мужскую работу и ни тащил на себе всё хозяйство, природа оставалась природой. По силе мужчина всё равно значительно превосходил гера.

Перед обезумевшим Цзянь Цянем сейчас не было смысла ни вступать с ним в драку, ни пытаться образумить его словами.

Бежать — вот единственный способ защитить себя.

Цзянь Цян расхохотался, и этот смех разнёсся по тихому лесу, вызывая невольный холодок.

— В такое место вообще никто не ходит! Даже если я тебя здесь убью, никто ничего не узнает!

— А вот это ты верно сказал.

Внезапно раздался ледяной голос.

Увидев незнакомого мужчину, высокого, крепкого, широкоплечего, который неизвестно когда появился поблизости, Цзянь Цян мгновенно побледнел.

Первой мыслью было: его увидели.

Увидели, как он собирался убить человека...

Рука, сжимавшая нож, тут же задрожала.

Он вёл себя так нагло вовсе не потому, что не боялся тюрьмы или наказания. Просто был уверен, что сюда никто не придёт. Кто бы мог подумать, что ему настолько не повезёт.

А если этот человек разболтает всем?..

Стоило Цзянь Цяню вспомнить законы о наказании за убийство, как у него затряслись губы. Он поспешно спрятал нож за спину и выдавил кривую улыбку:

— Б-братец... это... это наши с гером дела... Е-если ты никому не расскажешь... мы с тобой будем братьями до смерти!

Лицо у него было белее мела, мутные глаза беспокойно бегали из стороны в сторону. Вдруг он словно что-то вспомнил, торопливо вытащил единственные имевшиеся при нём два ляна серебра и протянул их вперёд дрожащей рукой.

От страха и собственной трусости Цзянь Цян совершенно не заметил, что Линь Жун, который только что в панике убегал, уже остановился. Узнав пришедшего человека, он спокойно развернулся и неторопливо пошёл обратно, а весь страх с его лица исчез без следа.

Посмотрев на серебро, Цзянь Цинъюй тихо усмехнулся.

Улыбка не коснулась его глаз. В ней была одна лишь холодная насмешка.

Он протянул руку и взял деньги.

Цзянь Цян тут же облегчённо выдохнул. Раз тот принял серебро, значит, согласился не вмешиваться и держать рот на замке.

Он уже начал думать, что, когда этот человек уйдёт, то обязательно взыщет потерянные деньги

с Линь Жуна, как вдруг услышал спокойный голос:

— Цинъюй.

Улыбка на лице Цзянь Цяна мгновенно застыла.

Он тупо уставился на них обоих.

...

Цзянь Цинъюй вложил серебро в ладонь Линь Жуна.

Теперь в его голосе слышались мягкость и близость, присущие супругам.

— Считаю это компенсацией за то, что он тебя напугал.

При виде серебра, да ещё целых двух лянов, мрачная бледность на лице Линь Жуна исчезла без следа, сменившись удивлением и радостью.

Цзянь Цинъюй посмотрел на него, и взгляд его стал мягким и тёплым.

Цзянь Цян ошарашенно переводил взгляд с одного на другого и всё ещё тупо пытался понять происходящее:

— В-вы... знакомы?..

Цзянь Цинъюй неспешно поднял на него глаза и с ленивой усмешкой произнёс:

— Надо же, с мозгами как у свиньи ты ещё осмелился задумать убийство. Неудивительно, что ты такой уродливый: тело — как бамбуковая жердь, а в голове пусто. Видать, всё питание ушло в одну только дурную храбрость.

<http://bllate.org/book/17612/1639533>